

Его голос был настолько мягким, что Оу Жэньцзинь даже немного растерялся. Он сжал губы и медленно высвободил свою руку.

Оу Шаовэнь наклонился, чтобы поцеловать его запястье. Его губы, словно кусочек сахарной ваты, коснулись кожи, и Оу Жэньцзинь почувствовал лёгкое щекотание. Он холодно произнёс:

— Не балуйся!

Доктор Чэнь быстро провёл базовый осмотр и сообщил, что состояние Оу Жэньцзиня временно стабильное, ничего серьёзного.

Он взглянул на Оу Шаовэня, который сидел на корточках у кровати с блестящими глазами, и поспешно вышел из палаты. У двери он взял за руку Гуань Цицзюня, который стоял здесь всё это время, и повёл его прочь:

— Не стой здесь, пойдём.

Увидев, как доктор Чэнь закрыл дверь палаты, Оу Жэньцзинь позволил Оу Шаовэню прижаться щекой к его запястью, но его лицо оставалось холодным:

— Как ты здесь оказался? Гуань Цицзюнь тебя позвал?

— Нет, он солгал, что вы собираетесь в заграничную командировку. Я услышал, как в трубке кто-то звал медсестру сменить лекарство, поэтому нашёл вас.

Он поднял голову, словно подчёркивая или хвастаясь:

— Вы всегда думаете, что я ничего не понимаю, но я уже многое знаю.

Оу Жэньцзинь почувствовал, что его взгляд стал слишком горячим, поэтому отвернулся. В этот момент его эмоции были сложными: немного стыда из-за того, что его слабость была раскрыта, и немного облегчения, словно наконец кто-то протянул руку, чтобы разделить с ним непосильную ношу.

— Оу Жэньцзинь, тебе больно? — спросил Оу Шаовэнь.

Он тихо улыбнулся, но его улыбка казалась размытой и далёкой:

— Давай я отдам тебе своё сердце?

Оу Жэньцзинь резко повернулся. Его мозг будто ударили молотком, и он долго не мог понять, не было ли это его галлюцинацией. Затем он замолчал, а через некоторое время тихо засмеялся:

— Говоришь, что всё понимаешь, но на самом деле ничего не понимаешь.

Его голос был ровным, но звучал крайне опасно:

— Кто тебе это сказал? Кто уговорил тебя согласиться? Ты понимаешь, что это значит?

— Что это значит? Это значит вынуть моё сердце и поместить его в твою грудь. Всё просто. Почему все думают, что я не понимаю?

Оу Шаовэнь, раз за разом получая отказ, даже начал злиться. Он не понимал, почему для

людей из лаборатории это было так просто: совместимость, операция, восстановление, и всё повторялось снова и снова. Почему люди снаружи всегда так много думают, делая всё настолько сложным.

Он понимал. Он всё понимал.

Он знал, что такое нарушение гуманизма, но с момента создания проекта «Инкубатор органов», с момента его появления на свет, всё, что он пережил, нарушало этот самый гуманизм. Поэтому лаборатория не могла обнародовать результаты своих исследований, не могла обнародовать его существование. Они, как тараканы и муравьи, размножающиеся в канализации, осторожно протягивали свои усики к миру, чтобы тайно получить достаточно ресурсов для выживания и изучения других проектов.

— Я знаю, о чём ты беспокоишься. Всё в порядке, мы можем попросить врачей сделать это тихо, не в больнице, чтобы никто не узнал.

Его тон был естественным, но он звучал так нетерпеливо, словно мотылёк, радостно бросающийся в пламя.

Оу Жэньцзинь опустил веки, не глядя на него и не говоря ни слова. Его пальцы непроизвольно сжались, и всё его тело, казалось, слегка дрожало.

— Что с тобой? Опять плохо?

Оу Шаовэнь сел на край кровати и наклонился, чтобы послушать его сердце.

Оу Жэньцзинь прервал его движение, мягко положив руку на его лицо, не дав ему приблизиться к груди. Он медленно улыбнулся, наклонился к его уху и тихо произнёс:

— Ты готов отдать мне своё сердце?

— Да.

— Но, к сожалению, — он мягко отстранил его лицо, его движения были твёрдыми и даже немного бесчувственными, — я не хочу его.

Оу Шаовэнь был взволнован и раздражён, с трудом сдерживая гнев:

— Но моё сердце лучше, чем у всех, кто может подойти тебе по совместимости.

— Даже если оно лучше, я не хочу его.

Оу Жэньцзинь даже почувствовал, что это звучит абсурдно. Он старался отогнать хаотичные эмоции, отвлекая себя. Он игнорировал бурю чувств в сердце, сдерживал желание посмотреть в глаза Оу Шаовэню и начал вспоминать.

Что пережил Оу Шаовэнь? В какой среде он вырос? Какое прошлое у него было, что он мог сказать человеку, которого знал всего несколько месяцев: «Я отдам тебе своё сердце»?

До сегодняшнего дня он никогда не считал, что развлекаться и шутить с людьми было чем-то плохим. Жизнь так коротка, и лучше всего тратить время на то, что приносит радость.

Но в тот момент, когда Оу Шаовэнь настойчиво и срочно предлагал отдать ему своё сердце, он вдруг почувствовал сожаление. Он понял, что никогда не должен был знакомиться с таким

человеком. Такой человек не должен был знать его.

Он был самым неподходящим человеком для его игр. Он был слишком искренним, каждое его движение выражало самые настоящие эмоции. Он бережно хранил каждую каплю доброты, полученную от кого-либо, и отдавал всю свою кровь, чтобы отплатить.

Оу Жэньцзинь не хотел его крови, он не заслуживал её.

Горло Оу Жэньцзиня сжалось, он так сильно сжал кулак, что иглы словно блуждали в его венах.

В палате воцарилась напряжённая тишина.

Через некоторое время он глубоко вздохнул и спокойно произнёс:

— Сначала иди отдохни. Позови Гуань Цицзюня, мне нужно с ним поговорить.

Оу Шаовэнь не сразу ответил. Оу Жэньцзинь сдержался, но не смог не повернуться к нему.

И тут он увидел, что тот, кого он нашёл, кто сначала не умел ни плакать, ни смеяться, теперь тихо стоял, опустив голову, и слезы катились по его лицу одна за другой. На его лице не было никаких эмоций, глаза были туманными, без света.

Оу Жэньцзинь положил руку на грудь, чувствуя, что этот человек сводил его с ума и причинял боль его сердцу.

— Никогда не видел такого глупца.

Оу Шаовэнь всё ещё молчал. Он покачал головой, отрицая, что он глуп.

Оу Жэньцзинь протянул руку, мягко вытер слёзы с его лица, и его голос звучал тихо и нежно:

— Хорошо, я заставлю тебя отказаться от этой идеи.

Оу Шаовэнь поднял глаза, в них ещё блестели слёзы, он смотрел на Оу Жэньцзиня с обидой, чувствуя, что никогда в жизни не было так тяжело. Ни самые зелёные листья, ни самые красивые пейзажи, ни самые интересные вещи не могли остановить его падение в пропасть.

Он мог дать Оу Жэньцзиню так мало: купить подарок, но он не хотел, заработать деньги, но они ему не нужны. Его сердце было единственным, что Оу Жэньцзинь хотел, и единственным, что он мог дать. Всё это время он держался за эту мысль, чтобы оправдать своё присутствие рядом с Оу Жэньцзинем, чтобы иметь право целовать его, обнимать, спать с ним и есть вместе.

Но теперь даже это единственное, что у него было, Оу Жэньцзинь не хотел.

Он хрипло, даже с мольбой сказал:

— Мне не будет больно, я не такой, как вы, операция не будет для меня мучительной. Поверь мне, пожалуйста, я не буду...

Оу Жэньцзинь положил руку на затылок Оу Шаовэня, притянул его к себе и прикрыл его губы своими.

Он недавно принял лекарство, и во рту было горько, поэтому он не хотел касаться сладкого

вкуса перед собой, лишь слегка коснулся его губ своими.

<http://bllate.org/book/16325/1473663>